

Звучит аккорд, пронзают строки
Мне душу будто бы игла.
Поэты часто одиноки —
Одно перо и два крыла.

Мой брат, в сознание ты выпускаешь,
Как вирус, рифму и мотив,
И к небу тотчас же взлетаешь,
Глаза усталые закрыв,

Чтоб не смотреть на ложный пафос,
Который бритвой полоснув,
Кромсает в клочья белый парус
И обрывает тишину.

Я не надеюсь встретить друга.
Мой друг Горацио, ответь,
Не выйти Гамлету из круга?
Но я обязан все успеть...

Весна распахнула шатер голубой,
Рисует природа пейзаж надо мной,
А я по земле гуляю один,
Художник нелепых словесных картин.

Смотрю на прохожих: куда-то спешат.
Цена этой спешке не больше гроша.

Мелькают айфоны, машины гудят,
А я лет на восемь хотел бы назад.

Хотел бы увидеть твой ласковый взгляд
И нежную руку застенчиво взять,
Твой образ, воспетый стихами не раз,
Возвышен был мною без пошлых прикрас.

Но вот завершила Земля оборот.
Апрель за окном, восемнадцатый год.
А я по земле гуляю один,
Художник нелепых словесных картин.

Ольга АСЕЕВА

Давай сгоняем на море после работы.
Закат только в восемь, и мы успеем взглянуть,
Как оно внезапно появляется из-за поворота,
Пронзительно синее, а у берега льдистая муть.

Припай отошел, и шуга, как уха густая,
Мерзлый песок вперемешку с остатками льда.
А чистой вода здесь будет поближе к маю,
А теплой она не будет здесь никогда.

Небесная бирюза становится яшмой
И медленно гаснет, превращаясь в обсидиан.
Звездного неба опрокинулась в море чаша,
Огни маяка, кораблей и рыбацкий стан.

Я на твоей груди спрячусь от ветра.
Поцелуй меня. Держи и не отпускай...
Мы вернемся по темной дороге, молчаливо-светлые,
Хранящие лучшую из самых ужасных тайн.

Как все совпало: твой отъезд,
Погода-дрянь, начало лета.
«Любить иных — тяжелый крест» —
Ты наконец-то понял это.

Совпали даты и часы,
Герои книг, слова и мысли.
Качнулись тонкие весы
И в равновесии повисли.

Совпали губы. И туман
Стал совпадением или знаком.
Ты мне оставил океан
Внутри. И томик Пастернака.

Ничего не могу написать — это слишком личное.
Интимней всего, что когда-либо переживалось.
Я с этим городом завернута в небо больничное,
Нет, я здорова, я не давлю на жалость.

Я не смотрю на мир глазами дворняжками
(Это плохой эпизод — вычеркни из сценария).
Мы не сказали друг другу самого важного,
И теперь хорошо разойтись на длину полушария.

Совпадения стерлись туманом, остались различия,
Чтобы согреться — недостаточно чая с корицей.
Ничего не могу написать — это слишком личное.
Я жива. Я здорова. Не вздумай мне только сниться.

Моей житейской катастрофы
Нельзя понять с твоих высот.
Огрызки собираю в строфы,
Варю, как яблочный компот.

Стою, как ведьма, у кастрюли,
Бросаю в варево слова.
Я образы твои ворую —
И этим, кажется, жива.

Краду их, не тая коварства,
Обрывки фраз, наборы слов.
Варю нехитрое лекарство
От всех житейских катастроф.

Не могу без контрастов —
Наш север и здешний юг.
Зеленая биомасса:
Банановый лист упрут,

В темноте, как ежи, агавы
Охраняют покой гекконов.
Здесь живут по иному уставу,
Здесь живут по иному закону.

Без цикличности времени года,
Словно здесь и не умирают,
А становятся снова природой,
Сходной в нашем понятии с раем.

Становясь кокосовой пальмой,
Крабом розовым на песке.
А у нас все рождение — тайна
В каждой почке и в каждом ростке.

И даже в морозом убитых
Настурции нежных цветах
Какая-то тайна скрыта
И торжественная красота.

Раздали клены рыжие визитки,
А сами обнаженные стоят.
Ну что, красавица, подсчитывай убытки.
Их осенью считают, как цыплят.

Записывай потери и обиды,
Потом сожги, а серый пепел спрячь.
Иди красивая, не подавая виду,
В руке кленовый лист и черный клатч.

Девочка в короткой юбке —
Нет, давно уже не ты.
Та не спит вторые сутки,
Снова курит самокрутки,
Жжет картонные мосты.

Ты — как песня на прокрутке:
Дом, работа, снова дом,
От подъезда до маршрутки —
Будней серые обрубки...

Девочку в короткой юбке
Вспомнишь ты уже с трудом.

Жанна ГЕРМАНОВИЧ

Шарж

Что померла! Лет двадцать умирала.
И не жила, и не давала жить.
Бессилием... валосердином, калом
Пропахло все! Потрачено деньжищ.

Захоронения. И в эту гущу
Впихнули гроб. Сто фронтовых — не дрейфь!
(Век двадцать первый тщательно расплющил
Невольницу фашистских лагерей.)

Покоишься... Незримая оттуда:
— Одумайтесь!

Все надзираешь?! Ша!
У Бога вызнай правду про Иуду.
На памятник — без возражений! — шарж.

Прощение

— Внученька, рядом присядь.
Скрой непослушную прядь...
Годы сломили, слепа.
Что за окном?
— Снегопад.
— Минуло тридцать годков,
Как вы покинули Львов.
В сердце обиду таишь?
— Оттепель, капает с крыш.
— Фото обратно, прости,
Где тебе годика три,
Выслала, мол, поделом...
— Полноте, знаю о том.

— Линии сердца извив...
жизнь проживи!
— Свет негасимых лампад,
Тато в могиле и брат.
— Даже на смертном одре
(рак одолел в ноябре)
Слова не вымолвил сын.
Крепко сердился... Аминь.
— Тато обмолвился раз,
Как порывался до нас.
— Я запретила, дитя...
— Дети родителей чтят.
— Что за окном?
— Круговерть.
— Близится Чистый четверг.
— Зимно, валежник — огню.
Я никого не виню...

Сущность общежитий

Бездомным псом, свернувшимся клубком,
Я постигаю сущность общежитий.
Ужиться... Втечь стеною в пол. Комок
Стихов извлечь из глотки трижды. Ближе
Подвала клеть. Отгорожусь свечой
От чувств и мыследействий под копирку.
Из мира баловней, где в доску свой —
Глупец... себя я вышвырну за шкирку.
Приступ. Вулканом эго истерит,
Кляня возню сует и пофигизма.
Пружины дней рождают ритмы рифм.
Луна-вахтерша скалит зубы, гримза...
Слякоть. Так поглощает мысль вода.
А шар земной пронзила арматура.
Гляжу в дома и на дома, отдав
Последний грош пьянчуге сдуру. Труден
Прыжок сознания в полынью. Влекут
Рубли разгоряченных полуночников.
Вдыхаю одиночество. А Кутх*
У совести выклеывает очи...

---

* Кутх — воплощение духа Ворона, традиционно почитаемого коренными народами Дальнего Востока России.

Северное

I

— Поведай Север, Яковавна!
— Гнездится шторм в глазницах лавы.
Не дремлют дебри: «Прочь, незванный!
С вершин спускаются обвалы!»

Крадется Кутх тропой медвежьей.
Лучи вложило солнце в ножны.
— Напой душе заиндевевшей
Легенд былье и невозможность.

Поведай землю бубном предков,
Наполни плес хандрой залива.
— Луна укутывает пледом
Табун оленей боязливых.

— Поведай Север, Яковавна...
— Шатун встревожил побережье.
Почуй: насупились вулканы,
Собаки лают, люди брешут.

— В твоих краях я чужестранка,
Я и своей страны не знала:
Мне Польша видится в распадах...
Напой мне Польшу, Яковавна.

II

— Напой снегá мне, Яковавна.
Клыками стынь впилась в ладони.
— Плынут созвездий караваны,
Взывают волки, тени молвят.

— Напой ветрá мне, Яковавна.
Всколышь отчаявшийся Север!
— Охотник чужестранцу Фавну
Вверяет лап еловых веер.

Чертог Луны обвит обрядом,
Упряжки мчат на шабаш нечисть.
— Звезда, взошедшая тридцатой,
Помножит чет на сирий нечет.

Поведай Север, Яковавна!
Душа во тьме блуждать устала...
— Душа — обьятие вулкана,
А слезы... слезы — пламень лавы.

— Восхода хлыст стегает Запад,
Я по себе истосковалась.
— Волк норовит медведя сцапать,
В берлоге фыркает лукавый.

— Не сокрушайся, Яковавна...
Я — Польши... Польши отголосок.
Взотришь: у пропасти коварной
Возник фантом в моих обносках.

III

— Сроднись с Камчаткой, Яковавна,
Не предавай своих корней.
Мне тундра видится саванной
Под кровом дюжих кедрочей.

— Взгляни: старик Хемингуэя
Моря с коряком бороздит.
И вторят чайки бубну: «Эй-е!
К Сантьяго с Ойе мчится кит!»

— Угаснет день венком кипрея,
Вспорхнет жемчужинкой луна.
— На северах не каменеют,
Сердца огнем упеленав!

— Напой Камчатку, Яковавна,
Аккордом Вывенки-реки.
— К норе ручей ведет кровавый —
Волков стреляют чужаки.

— Не убивайся, Яковавна!
Отмстим клыками гордых стай!
Сбери в ладонь запретных ягод,
Я стих прочту, ты — угощай...

IV

— Расстаться с чуждою Камчаткой,
Сцепиться с властью в ярой схватке!
— Ты из волков, сильны повадки!
Вступишь за нас, укрой Камчатку.

— Свобода в вас! Казнен глашатай,
Стихи кладбищенской оградкой.

— С верхами враждовать чревато...
Меха, лосось — «богам» уплатой.

— Дрожит земля, но что ей стоит
Встряхнуть безропотное племя?!
— В легендах заперты герои...
Валежник сыр, дымит и тлеет.

— Сражает Север зоркой глушью!
С лихвой расставлены капканы,
Зверь обойдет, а рвач — послушно.
— Грядут осадки окаянны.

— Расстаться мыслями с Камчаткой,
Прорваться волком сквозь облаву,
И жизни хлесткою цитатой
Судьбу поведать, Яковавна...

Виталий ДУХОВНЫЙ

Желающий любви — живи!

...суть вещей
ускользает
из наших рук
зато мы уверенно
держим топор
свет мы прячем в полотна
и в музыку звук
и в каждой душе
прячется вор
ощущение истины
вялых бодрит
и не стесняясь
его проверять
каждый знает:
убей
или будешь убит...
и большего
не успевает
узнать

дайте кисти окуну
и с кистями шась к окну
дайте дайте нарисую
я родимую страну
папу-маму
поле-лес
дам в купальниках
и без
дом родимый
солнце-тучку
дедку-бабку
внучку-жучку
мышку-репку
и kota —
красота!
ай красота
а за печкой таракана
и злодея наркомана
и помойку у дверей
опогоненных зверей
телевизор
паспортистку
террористку
и зачистку
хоть и вижу
наплевать
я не стану рисовать.

завонит застучит сквозь промерзший дым
промелькнет между веток змея окон
кто-то мчится в сочи а может в крым
через наш снег да с ветерком
а на улицу выйдешь светлее дня
месяц жарит лампою в тыщу ватт
и бежит тень впереди меня
и над головой звезды блестят
надо мной блестят и над тобой
оглянись вокруг в царстве вечных снов
среди звезд нет нет да кресты стоят
или звезды стоят посреди крестов
и в сугробах тонут и в тишине
раздается только собачий лай
все вернется наверное по весне
а пока за стол и наливай...

я родом с огорода а за огородом лес
где прадед мой когда-то запрягал свой обреза
в колхозе красный лапоть не нравилось ему
пришлось к амуру драпать чтоб не на колыму
и пусть до вологды и вятки от нас рукою не подать
но играть с властями в прятки на амуре благодать
потерявшись среди народа притворившись дураком
прадед спрыгнул с пархода в чашу гордым бедняком
и во мне есть та закваска мне что чекисты что попы
все для них не жизнь а сказка ну кровопийцы как клопы
сплю и вижу лес сосновый волки скачут по кустам
тот обреза уже не новый но все равно он где-то там...

...кокошники мороз березки чернобыль волки отморозки
матрешки фаберже левша гулаг стрельба из калаша
медведь и водка — день чудесный! порше в сугроб забросим тесный
вприсядку вжарим по кустам и потеряемся среди елок
но нас найдут снесут на полк и веником давай хлестать!
сбежим опять нырнем под лед назад...
тут поп с кадилом ждет хоть тоже пьян но тоже учит
берем попу с собой до кучи и едем взад
в цыганский рай в шалман в кабак в очаг культуры
Есенин тут творил с натуры тебя как есть родимый край...
с твоей укушенной луной замерзшим ветром ночью вечной
и паствой глупой и беспечной и от рождения больной
и я в несбывшийся мираж кричу холодному туману...
...и бью
...гантелей по баяну
...меня берут на абордаж и буксируют в порт прописки
не, я бы смылся по-английски не подвернулся бы баян гантеля и не будь я пьян
а так я очень терпеливый спокойный тихий боязливый
забитый даже
точно да...
что ж вот такая ерунда.

...проведи рукою по траве отвлечись душою от загадки дай свободы ветру
в голове пусть с тебя сегодня вятки гладки пусть собачка голос подает лая на
невидимого беса звезды совершают оборот темнота является из леса чтоб увидев
солнце умереть стать росой и утренним туманом чтоб к полудню в зелени сгореть
попитав дыхание дурманом проведи рукою по траве...

Искренность?!

...

Продано!

Космическая кошка

Космическая кошка мне села на колени,
Постукивая мерно космическом хвостом.
И стала умываться без устали и лени,
Облизывая ногу шершавым языком.
В ушах ее играли космические марши,
Свернулась на коленях клубочком как змея.
Космическая кошка меня намного старше,
И знает она тайны, каких не знаю я.
Космическая кошка — хранитель поколений,
Что жили близ людей десятки тысяч лет.
Космическая кошка уснула на коленях,
Чтоб превратиться в призрак, когда погаснет свет.

Одиночество Эмиграции.
Иммиграция в Одиночество.
Я еще не сошел на станции,
А уже мне чего-то хочется.
И еще не сказавши главного,
Я хочу попросить прощения
У того, что было славного,
Но за гранями возвращения.
Позабыв свое имя-отчество,
Лишь махну рукой на прощание,
Уплывая в свое одиночество
Как корабль в дальнее плавание.

Электронный Почтальон

Спит животное Собака...
Н. Заблоцкий

Тусклый голос саксофона,
Еле слышен барабан.
Ты в Москве. Я в Вашингтоне.
Между нами океан.

Виски, лед и сигареты.
Я не сплю, и ты не спишь.
И на двух краях планеты
Я молчу, и ты молчишь.

Тихо вечер наступает,
Над столом кружится дым.
Я послать письмо пытаюсь
Электронным Почтовым.

Донесет — не заблудилось
В две-три строчки письмецо!
Где бы ты не находилась,
Помню я твое лицо.

Дремлют Знаки Зодиака
В моей пьяной голове,
Только ты не спишь, однако,
В тихом городе Москве.

Ну а если ты устанешь
И сморит глубокий сон,
Все равно тебя достанет
Электронный Почтальон.

Он найдет тебя, расскажет,
Нагадает в ворожбе:
Пусть весь мир меж нами ляжет,
Но я помню о тебе.

Долетит быстрее птицы,
Когда город еще спит,
И послушно растворится
Под командою «Delete».

Тусклый голос саксофона
Навевает поздний сон
Где-то там за Вашингтоном
Потерялся Почтальон.

У поэта не хватает солнца,
Чтоб с людьми нормально говорить.
Не заметишь сам, как вдруг прервется
Размышлений скомканная нить.
У поэта есть свои причины
Прекращать ненужный разговор,
По словам он бродит, как по минам,
Он их разряжает, как сапер.
У поэта скверные манеры,
Он живет по собственным часам.
Обитает в разных стратосферах,

Слишком доверяя своим снам.
А из долгой нити размышлений,
Скомканной в клубок глухих обид,
Разочарований и сомнений,
В тишине вдруг чисто прозвучит
Та заветная, родная строчка,
Что так долго в муках он искал.
Распустившись долгожданной почкой
На корявом дереве стиха.
Побираясь где и как придется,
Не любя, не веря, не щадя,
У поэта не хватает солнца,
Но зато в излишестве — дождя.

Елена КОВАЛЁВА

Страна Хабария

А мне подарена
Страна Хабария,
Удача редкая, большой «хабар»*!
Мой край и город мой,
Здесь все мне дорого,
Полны коробушки и короба
Плодами спелыми,
Снегами белыми,
Ветрами, тайнами таежных троп,
Лесная ария —
Моя Хабария,
Пускай не стольный град, пусть без метро!
Бывало всякое,
Но все же, якорь мой
Здесь, на Амур-реке, и дом мой здесь,
Мои сомнения,
Стихотворения
И то, что мыслями держу в узде.
Страна Хабария
Судьбой подарена —
А есть случайности?.. Наверно, нет!..
Идет мой путь земной,
«Хабар» всегда со мной,
Даря удачу мне, даруя Свет!

---

* «Хабар» — прибыль, барыш, удача, взятка (из словаря В. И. Даля). Город Хабаровск назван в честь первопроходца Ерофея Хабарова.

Петроглифы*

Амур читает каменные книги —
За камнем камень... Проливая свет,
Речной волной нахлынули, настигли
Те дни, когда «писал» их человек,

На Сикачи-Аляне** выбрав камень...
Бороздки тонкой не родив порой,
Скрипел резец — неловкими руками
Художник, вытирая с камня кровь,

Творил... Лицо любимой — так сияло
Под лунным светом... звезды в волосах...
А поутру кайлом***, потом кайалом****
Трудился мастер — женщину писал!

Когда летела чайка над Амуром,
Ее полет стремясь запечатлеть,
Писал до темноты, укрывшись шкурой,
А женщина, варя уху в котле,

Исподтишка взглянув на петроглифы,
Вздыхала — все как люди, мол, а мой?..
Натер мозоли на ладонях «грифель»,
А он творил и летом, и зимой.

Теперь Амур седой волной листает
Те книги... Сикачи-Алян хранит
Веками их, легендой обрстая,
Суровый, молчаливый, как гранит.

Осень

Осень, словно барыня нарядная,
Листьев кринолинами шурша,
Ягод, спелых фруктов для улады нам
Не жалеет, щедрая душа!

---

* Петроглифы — высеченные на скалах или камнях изображения людей, животных, растений. По версии академика А. П. Окладникова, петроглифы Нижнего Амура принадлежат древним тунгусо-маньчжурским племенам — предкам нанайцев.

** Сикачи-Алян — национальное нанайское село в Хабаровском крае, одно из мест дальневосточного туризма.

*** Кайло — ручной ударный инструмент, предназначенный для работы по камню, каменистому грунту.

**** Кайал — контурный карандаш для подводки глаз, в традиционный состав которого входят натуральная сажа, измельченные минералы. Здесь — натуральный краситель для рисунков на камне.

В небе журавлей пытаюсь высмотреть,
Аистов — когда теперь назад?..
Осень, я с тобою всеми мыслями,
Лета мне хватило за глаза!

Лето хорошо дальневосточное,
Но жара! Народ наш не привык...
Осень — это нега, многоточие...
А кому-то мед, икра, балык.

Для поэтов осень — вдохновение,
Небо чуть притихшее, дымок...
Каждое осеннее мгновение
Просится на лист, на холст само.

Осень — грусть, порою беспричинная,
День уходит рано, холодна
Ночь... Мелькнет серебряной бочиной,
Словно рыба-ауха*, луна

И уйдет за розовое облако —
Тихо, плавно так, не торопясь,
Вспугнутая отблесками всполоха,
Вынырнет и спрячется опять...

Цветущей веткой миндаля

А смысл откроется потом —
И перемен, и устремлений,
И даже смысл стихотворений,
Как нарастающий рингтон,
Ко мне вернется невредим,
Воспоминания разбудит,
И загудит шаманский бубен,
И замаячит впереди
Надежда — нет, не умерла,
А только скромно затаилась:
Не уповай на Божью милость,
Хлебая гордость «из горла»,
Не уповай ни на талант,
Ни на удачу, ни на лето,
Ни на купюры и монеты,
Ни на подачки со стола,
Где много сладких вин и яств,
Не прибивай на дом табличку:

---

* Ауха — китайский окунь.

«Здесь жил, творил...» В каком обличье
Вернется смысл, вернув меня
В те дни, когда, как месяц май,
Схватив коня — шаманский бубен* —
И вырвавшись из скудных будней,
Я стала музыкой сама?..
Шаманю я теперь не так,
И мыслей, мыслей слишком много,
И над картинами Ван Гога
Уже не плачу... Су-е-та..
Цветущей веткой миндаля**
Я отмахнусь от наваждений —
Ничем отныне не владея,
Я все опять начну «с нуля».

Рассвет

Птахи невзрачные будят зарю золотую
Щебетом дружным, едва лишь рассвет задрожит,
Так раскричались, боясь, что пройдут вхолостую
Птичьи старанья, и солнце побудку проспит.

Только подернется розовым бледное небо,
Птички притихнут и даже задремлют слегка,
И разольется по небу приятная нега,
Позолотив мирно спящие в нем облака.

Нет, не пропали усилия певчие даром,
Солнечный диск поднимается, будто на трон,
Царственно, гордо, и небо пылает пожаром,
Став для земли алым парусом, алым шатром.

Рутинa

Я не спала, бормотала стихи,
Может, молилась...
Точно, молилась!..
А осень взяла мастихин
И — изменилась!

Сгладила все — ни куста, ни листа,
Голая нива!
Сонно, лениво...
А где-то другие места —
Крым и Анива...

---

* «Бубен-конь» позволяет шаманам подниматься в воздух, достигать Неба.

** Речь идет о картине Ван Гога, символизирующей надежду.

В радуге дети сидят — не мои,
Были моими!
Переманили!
Храни же их, Боже, храни!
Боже, будь с ними!

С радуги в море нырнуть — лепота!
Радуга в море!
Мир незашорен —
Сиреневый гиппопотам!
Взрослый мир вздорен...

Вздорен, к тому же, тягуче-уныл...
Постные мины...
Крепкие вина...
Заботами удручены
Люди... рутина...

Не поддавайтесь — рутины лихи!
Я мастихином,
Да, мастихином
Сровняю плохие стихи
В теплую глину!

Будем из глины лепить чудаков —
Добрых, душевных...
За борт решебник!
...До лета еще далеко...
Где же волшебник?!

Айрат МУСТАФИН

Попробуй
Связать два луча солнца
Между собой
Вопреки природе.
И удивись,
Когда все получится,
Несмотря ни на что.
В узелке усилий
Запутались лучики,
Чтобы доказать невозможное.

Что за прелесть — аккомпаниатор.
Будто он рождает эти звуки.
Руки, руки, руки, руки,
Пальцы.
Словно по ступеням бьются в танце.
Вокалистам снисходительно кивает,
Зачинает волшебство концерта,
Церемониально поднимает
Руку исполнителя в итоге.
Тоги, мантии, костюмы и рубахи —
Прочь условности.
Он сам — рубаха-парень.
Протяните сами ему руки.
Разве зал и сцена — расстояние?
Он служитель публики,
И точно для него важнее нет внимания.
Может разве музыка.
И только.

*Третьего октября 2017 года Райнер Вайс,
Барри Бариш и Кип получили Нобелевскую премию
по физике за открытие гравитационных волн.*

Мы знаем теперь и вселенскую любовь.
Две черные дыры приглянулись друг другу.
Спать не могли.
Возмущались, пока только издали,
Совсем незаметно.
От переизбытка чувств
Втягивали в себя все, что лежало вокруг.
И вдруг оказались рядом.
Потянулись друг к другу черными губами
(гораздо чернее квадрата Малевича)
И слились в поцелуе,
Превратившись в единое целое.
И по всей Вселенной пошли
Гравитационные волны настоящей любви.
А вы
Так бы смогли
Любовью своей содрогнуть Вселенную,
Хоть чуть-чуть,
Хоть и не всю?

Степь

Ой, ты, степь, сестра пустынь,
Степь солончаковая,
Соль да горькую полынь
Топчет конь подковами.

Он быстрее стрелы летит —
Слышишь этот громкий стук?
На коне джигит сидит —
За спиной колчан да лук.

Шит орнамент золотой
На халате бархатном.
Вьется сокол молодой
Над землей непаханой.

Позади густая пыль
К небу поднимается,
Впереди седой ковыль
Песней расстилается.

В юрте гости веселы:
Кочевой степной народ
Пьет кумыс из пиалы,
И поет акын, поет,

Что за сопкой снежною
Белые подснежники
Зорька красит в розовый,
Степь пропахла грозами,

В каждой капле светится
Солнца луч, как в зеркальце —
За *вторую* сопкою
Ясно солнце соткано.

Летом травы рыжие
Этим солнцем выжжены.
Нежно душу трогает
Детство босоное...

Ветер гладит волосы.
Плачут детским голосом
Домбры струны тонкие,
Тихие, но звонкие —

Как за третьей сопкою
Сердце мое робкое

О тебе печалится,
Степь моя, красавица.

Как гуляет вволюшку
Перекасти-полюшко,
Да как выюжат замети
В долгой моей памяти.

Далеки мы и близки
По судьбе — кочевники.
Только, сколь ни пройдено,
Ты со мною, Родина!

Там за сопкой снежною
Белые подснежники.
За второю сопкою
Ясно солнце соткано.

А за третьей сопкою
Сердце мое робкое
О тебе печалится,
Степь моя, красавица.

Рассвет на Байкале

Струится тепло в оконце
И хвойный смолистый запах.
Восходит на небо солнце,
Играя в сосновых лапах.

Еще на его ладони
Брусничный сентябрь не выжат,
Еще на хрустящем склоне
Цветет златоглавый рыжик.

И лист над тропой лесною
Цветным мотыльком порхает.
И манит вдали блесною
Байкала вода живая.

В короне хребтов скалистых,
За брызгами самоцветов
Бесшумно по глади чистой
Плывут лепестки рассвета.

Волну провожая взглядом,
Черпну ледяной водицы,
И вскрикнет пугливо рядом
Задумавшаяся птица.

Вспорхнет вслед за песней звонкой,
Растает в безбрежной сини
Родимой моей сторонки,
Любимой моей России.

«In solis tu mihi turba locis» (лат.)
В уединении ты для меня — толпа.

В уединении ты для меня — толпа.
Остановись за дверью и не шевелись.
Пускай просыплется январская крупа
И занесет тропу в мерцающую высь:

Здесь, в лабиринтах детства, воскрешаю дни...
Молчи — разрушить их способен звук любой!
Сусальным золотом пишу портрет родни,
Большим созвездием, цветущим над тобой:

Живым, подвижным и блистающим, как снег
Пол лунным шаром, мерно льющим мягкий свет...
Пусть хоть на несколько минут замедлит бег
Река житейская невозвратимых лет.

С тобой мы связаны... Не жги свою свечу
И не зови — я потеряться не боюсь.
Еще одну звезду в созвездие вкручу —
К тебе сама на нити шелковой спущусь.

Где ты, друг, неуемный, как ветер?
Где бросаешь свой якоря —
Мне газетные строчки ответят,
Да тихонько нашепчут моря

О местах, где твой голос могучий
Пересиливал шумный прибой,
И счастливый доверчивый СЛУЧАЙ
Ждал обещанной встречи с тобой.

Просмотрю пролетевшие весны
С лепестками любви на устах —
Отыщу среди них судьбоносный,
Затерявшийся в белых цветах.

И в улыбке печаль затаится —
Ты давно в тех краях не бывал,
Где в сердцах золотые страницы
Старый клен по двору разметал.

Где скрипят обветшалые ставни
И зарос огородик травой...
Там — твой дом! И недавно, недавно...
И недавно отец был живой.

Белый день сеял мелкую крошку,
Высыпалась зима через край,
Затихал ураган понемножку,
А тебя увозил на подножке
Одинокий скрипучий трамвай.

Все куда-то катились колеса
По звенящей стальной колее.
И ответы рождали вопросы,
Больше схожие с танцами босых
На холодном стальном острие.

В сердце бились змеиные жала...
Признавая любую вину,
Я бы вслед за тобой побежала,
Я к тебе бы всем телом прижалась,
Да пристыла к слепому окну.

Зима. Такая снежить —
На ощупь ищешь дверь.
А мы с тобою реже
Встречаемся теперь.

Заезженной шарманкой
Весь путь: работа — дом.
Ах, верно — землю ангел
Накрыл своим крылом,

Жалея неустанных
Заложников труда,
Потерянных и странных,
Бегущих в никуда...

Сосульки на ресницах,
Сквозь них все тот же мир:
Машины вереницей
Да кубики квартир,

Да спичкой обгорелой
Заснеженный фонарь,
Скрывающий за белым
Былую киноварь.

Но вдруг среди этой снежной
И чистой белизны
В груди оттает нежность,
Как капелька весны.

И чтобы вспомнить лето —
Куплю я лишь затем
Завернутый в газету
Букетик хризантем.

Водой наполню вазу,
Ей место отыщу.
И далеко не сразу
Сомнение отпущу

В том, что морозный вечер
Внесет последний штрих:
Твою улыбку, свечи
И столик на двоих...

Артемий СЕМИЧАЕВСКИЙ

Аборигены Невидимых островов

Ты услышала имя своей малой родины
в новостях — и слегка удивленно вздрогнула?
Значит, сестра, ты с Невидимых Островов.

Ты живешь на земле, переполненной черным бальзамом,
сулящим богатства, достающиеся не тебе?
Значит, брат мой, ты с Невидимых Островов.

Вы живете «на рыбе», то есть ловите рыб с берегов исполинского каменного лосося,
но — улов слишком дорог для ваших столов?
Значит, вы — с Невидимых Островов.

Если с берега родины малой шагнуть на большую, называя ее «материк»;
а шагнув и поведав — откуда, услышать вопрос «это где?»;
и, ответив, понять, что никто никогда не впускал в свои мысли имя твоей земли,
потому что крылатые дети ее, взмыв к величию, не славословили
породившие их берега;
если все это сделать, услышать, ответить, понять мне когда-то пришлось —

Значит, я
тот, рожденный в тюрьме берегов,
внук и правнук почивших давно каторжан,
или тех, кто потом приезжали сюда «за туманом»
и длинным рублем.

Мы еще не уехали, мы — аборигены Невидимых Островов.

Supremato

Крона березы похожа на голову обезьяны —
в свете рыжего фонаря:
свет разбивается об изьяны
поверхности кронной, иллюзию сотворя.

Светопись улицы, проникая
сквозь воздух стекла, оседает на стены
комнаты, что в качестве парника я
использую, слов разводя цикламены.

Ритмы неровны, размер изменяет себе.
В заполночь эту, наверно, добавили кофе.
Подозреваю пространство в навязчивой ворожке,
усыпляя бессонницу, сею дурманные строфы.

Береза, «родственница примата»,
спит, невзирая на шутки света.
Мир превращается в supremato*...
Ложатся на помыслы веки-вето...

Вавилонское утро

Грязно-желтое матовое стекло рассвета
постепенно теперь, незаметно становится фиолетово-
синим, словно стерли с него налипший за ночь
жир городских огней: фонарей, фар,
на бетонных скалах установленных маяков.
Это если смотреть за окно при включенном в комнате свете.

---

* Словотворчество — от лат. *supreme* — наивысший.

Если выключить лампы — рассвет на экране окна
станет искренне-серым, без притворства оптических игр.
В этом матовом, сиром рассвете,
в полусонных его неумытых глазах
три гигантских фигуры стоят,
три призрака (скажем, три брата) —
силуэты прямоугольных скал
из числа козырей вавилонской
элитной недвижимости;
словно чудовищные визитеры
из какой-то хтонической сказки
застыли они на пороге моего поля зрения,
в туманном проеме окна.
Молчанье пространства красноречиво глядит мне в глаза,
протягивает невидимую ладонь
и медленно, бесцеремонно кладет ее на мое лицо,
как бы давая понять, что туман здесь надолго.
А я — нет.

Пробуждение

позднее утро,
бледное небо сонно глядит сквозь шторы.
человек распластан в своей постели
и не хочет идти и жить,
потому что у него нет цели.
он умеет лишь «разговаривать разговоры».

позднее утро.
юное небо призывно сияет взором.
человек в плену у своей постели.
он так хочет идти и жить,
но не знает куда — нет цели.
человек с головой укрывается разговором.

позднее утро.
и следующие — будут поздними,
потому что устало привыкли к его опозданиям.
но, «закинувшись» жадно словами-дозами,
он себе, и всем, и всему говорит «до свидания»,

позднее время.
странно молчит за окном небо ждущее,
человек сам себя от себя отрывает в ярости,
и ступает из комнаты прошлого в мир грядущего,
но от ужаса стонет, увидев равнину старости...

звездное утро.
ужас вокруг головы разгорается нимбом,

человек весь в горячих слезах и росе ледяной:
он — из проруби сна. он глазами встречается с небом,
он проснулся — иной.

черное безмолвие,
белый шум:
в ледяные волны я
ухожу.
бездна непроглядная,
совершенен мрак,
кажется, что ад, но я
вижу: все не так...
в тайну погружение,
истинный поход,
вечное движение
в глубь небесных вод.
этот ужас радостный,
смерти свет
все развеял ада сны:
ада нет.

Илья ЧЕХОВ

Через гул голосов, через смог трубный
я поднялся, чтоб смыть этот день трудный.
Мы теперь даже смотрим врозь —
кто-то первый начнет авось.

Если так суждено, не держи зла хоть.
Все, что было, — не сор, не худой лапоть:
сохрани, приумножь вдвойне —
прорастет изнутри вовне.

И отгают поля и дадут всходы.
И забудется все. Но спустя годы
мой посыльный, угрюм и тих,
принесет тебе этот стих:

«Если там у тебя льют дожди снова,
посылаю ломоть своего слова:
он любовью к тебе вощен —
пусть он будет твоим плащом...»

Моя Звезда

Велит пора, несущий вторит.
Какой урок судьба готовит?
Редее шаг,
я оседаю на колено —
во власти суетного тлена
я слаб и наг.
И слабость томна и негожа,
но ты — опора и надежа
и верный друг;
лишь ты одна, моя Аврора,
мне возвращаешь ясность взора,
когда вокруг
умы мятежностью кипучи;
на горизонте черны тучи
и блеск зарниц.
Когда же в тяжкие минуты
во дни своей духовной смуты
я падал ниц,
ты свет являла самый истый,
мне освещая путь тернистый.
И знаю я,
каков удел на свете этом
связавшей жизнь свою с поэтом.
Душа моя,
пока на подъяремной вые
ремни не вспороты тугие,
ты все прости;
покуда в сердце, полном скотства,
жива хоть капля первородства,
свети, свети!

День сорвался с окна.
Во дворе ливень
в кош ночного сукна
сыплет горсть гривен.
Будет долгая ночь без сна.
Ты ворвешься точь-в-точь весна:
ты заваришь мне трав,
распахнешь шторы...

Может, я был неправ,
заводя споры
о полезности этих встреч,
о болезности тонких плеч.
Я сижу в темноте,
как поэт Бродский,
только шторы не те
и не столь броский
шум волны. И тоска как струп
на обветренной коже губ.

Романс

Кончился день. Из оконных теснин
в комнату льется ночная прохлада.
Мерно в углу догорает камин.
Тлеет лампада.

Нежно коснутся портьеры персты,
тихо скользнет на паркет ее платье.
Кротко склоняясь, качнутся цветы
возле кровати...

Я не забуду, кончая свой век,
наземь упав под свинцовым ударом,
как упоительно кружится снег
над тротуаром,

как ее зябкая длань холодна,
как от отчаянья очи краснели
как на прощанье уткнулась она
в ворот шинели.

Лилия ЯШИНА

Свидера*

Над Свидерой звезды низко-низко.
Руку протяни — в ладонь падут.
Можно их держать почти без риска,
Без ожогов несколько минут.

Ночью под созвездьями гуляю —
Не спеша погаснут лишь к утру.

---

* Свидера — небольшая сопка в пригороде г. Николаевска-на Амуре.

Коль висят неровно — поправляю,
Не блестят — их пальцами потру.

Главное теперь — успеть до срока,
И пока не начало светать,
Приходите, если одиноко,
Помогите звезды сосчитать.

Сентябрь

Настанет месяц золотой,
Своим огнем раскрасит листья,
И в день совсем-совсем простой
Создаст пейзаж иконописный.

Потом, потом пойдут снега,
Потом морозы и метели,
А в сентябре еще пока
Просторны желтые постели.

Потом весна, потом дожди,
Потом жара и тягость лета,
Но наступают сентябри
С прозрачной хрупкостью рассвета.

Когда стемнеет за окном
И пролетит крылатый ветер,
Все засыпает желтым сном,
И тишина на всей планете.

Ода жареной камбале

Пусть осуждают вперебой —
Нелепа рыба.
С асимметричной головой —
Ну, кто же выбрал?

И разноцветные бока,
И косоглаза.
Для панировки неплоха —
Замечу сразу.

Ведь если перчиком ее,
А лучше красным,
Лимончик, соль да поместить
Контачить с маслом.

Минут десяток пошкварчит —
Ее на блюдо

И, с луком жареным смешав,
Прикрыть посуду.

О, да! Смеялись над тобой:
«Отбрось в отходы!»
Ты стала царскою едой,
Достойной оды!

Гиляки*

Вам себя недолюбливать полно,
Добродушны, как дети просты.
Вам приносят амурские волны
Серебристые стаи кеты.

Плещут волны, березы куртины,
Ветер северный рыбой пропах —
Нет милей для гиляков картины,
Потерявших истоки в веках.

Что гиляки — не надо стыдиться.
Это слово не кличка, не грех.
Из глубин мирозданья явиться
Вы смогли сквозь морозы и снег.

Нам уклад ваш и быт непонятны,
Но, заметьте, при этом при всем,
Что освоили «белые пятна»
Вы, гиляки, в упорстве своем.

По музеям и выставкам прячут
Нивхских рыбьих халатов холсты.
Сколько пальцев исколотых плачут,
Добиваясь такой красоты.

Ваш певучий язык угасает.
Эх, ему бы подняться с колен!
Вас, гиляки мои, умоляю:
«Не сдавайтесь истории в плен!»

Круглолицая, с видом беспечным,
Победив и смущенье, и страх,
Нивхка-девочка смуглая вечность
Затаила в раскосых глазах.

---

* *Нивхи (гиляки)* — народность, живущая в низовье Амура и на севере Сахалина.